

Проходя мимо книжного шкафа, взял книгу, с удивлением обнаружил статью. Питирим Сорокин. 1923 год. Прага.

Впервые напечатано: «Крестьянская Россия», Прага, 1923 г., сб. IV, с.68-85.

Взято из книги: Сорокин П. Социология революции. М., 2006, с.512-529.

НА РАСПУТЬЕ ТРЕХ ДОРОГ (Национальная проблема в грядущей России)

1. Три пути.

В ряду важнейших проблем, поставленных на очередь историей России; одно из первых мест занимает национальный вопрос. Нет надобности доказывать важность, сложность и трудность его решения. Так много интересов связано с последним, эти интересы — ввиду разнородности и много-численности народов России — столь разнообразны, временами даже противоположны, что едва ли мыслимо и возможно решение, которое абсолютно удовлетворяло бы все эти народности. Памятуя, однако, что «*de minimis non curat praetor*» («о мелочах претор не заботится»), что идеальных выходов неидеальной земной обстановке нет, а могут быть только относительно лучшие и худшие, что проблема во весь свой рост стоит и больше молча не позволяет, — памятуя все это, приходится вплотную браться за нее намечать, если не решение, то, по крайней мере, план такового. В данной статье мы рассмотрим лишь основные пути решения, временно откладывая детализацию и конкретизацию того пути, который нам представляется наиболее целесообразным и осуществимым в реальных условиях современности ближайших годов.

Проектов решения национального вопроса на территории России существует много. Игнорируя полутоны и полутени, все эти проекты можно свести к трем, основным типам.

1) Одни течения считают наиболее желательным и в то же время наиболее вероятным решение этой проблемы в смысле восстановления бывшей Российской Империи (может быть, без некоторых ее частей, например Польши и Финляндии, централизованной, «единой и неделимой», не имеющей ничего общего с федерацией, в лучшем случае предоставляющей только некоторую культурную автономию отдельным немногим территориальным областям или языковым группам. Наиболее резко это решено было выдвинуто добровольческим движением и продолжает выдвигать некоторыми «правыми» группами. Оно же практически проводится теперь советской властью.

2) Второе решение диаметрально противоположно очерченному. Основные его тезисы таковы: распадение разнонациональной России, образование на ее месте ряда национальных суверенных государств, предоставление каждой «языковой» группе полного права на полное «самоопределение», при-знание желательности такого исхода

и верование в его реальную возможность. Иными словами, это решение признает желательным и возможным ликвидацию Российского государства; такая ликвидация, по его мнению, равносильна освобождению народов России от великой эксплуатации и рабства; это освобождение будет великим благом для всех или большинства народов России; оно будет благом и с точки зрения интересов человечества. Таков второй основной ответ на поставленный вопрос.

3) Третий ответ занимает промежуточное положение между этими двумя крайностями. Оставляя сейчас в стороне вариации и детали, укажем лишь его сущность. Оно мыслит наилучшее разрешение национального вопроса - в превращении единой и неделимой Российской Империи в федеративное государство, в Соединенные Штаты России. Таковы три основных плана для решения национального вопроса и вместе с ним одной из основных проблем государственного устройства народов, живущих на территории России в тех реальных условиях, которые существуют и будут существовать. Спрашивается, который из этих путей наиболее желателен, с точки зрения интересов различных народностей России. И далее, по которому из них пойдет исторический процесс; иначе говоря, который из них наиболее вероятен и фактически возможен? Попытаемся сжато рассмотреть указанные решения с этих двух точек зрения: 1) максимальной целесообразности при существующих (а не идеальных, т. е. несуществующих) условиях и 2) исторической или фактической возможности.

2. Путь централизованной «единой и неделимой» России.

Как с точки зрения возможности, так и с точки зрения интересов различных национальностей России, этот путь вовсе не так утопичен и не так отрицателен, как многие думают. Подойдем к делу прежде всего со стороны принципа возможности его реализации. Что говорит за то, что он осуществим? Какие симптомы показывают, что история в ближайшие годы может пойти по этому уклону «единой и неделимой»? — Целый ряд фактов прошлого и настоящего. Во-первых, фактический ход истории за эти годы. Подчеркиваю, фактический, ибо объективные процессы истории довольно часто расходятся с теми «словесными оболочками», в одежде которых они выступают перед их участниками, с теми субъективными целями, во имя которых современники осуществляют их. Здесь поистине прав сказавший: «судьба желающего ведет, нежелающего влечет». Примеров такого расхождения субъективных целей и объективных процессов история нашей, как и всякой другой, революции дает сколько угодно.

Нечто подобное случилось и в области «национального самоопределения». Во имя его велась война; он был одним из первых и основных лозунгов русской революции. Мы теперь отлично знаем, во что вылилось фактически это «самоопределение народов» в Версальском трактате и в последующих международных договорах. От них осталось здесь немного, если не считать лицемерных фраз; да и те повторяются реже и реже, ибо слишком уж действительность не вяжется с этими пышными лозунгами. (Вспомните решение судьбы Галиции и определение восточных границ Польши).

Не то ли же в значительной мере произошло и на территории России? В 1917 году было прокламировано «национальное самоопределение», и вместе с ним начался центробежный процесс, приведший в 1917-1919 гг. к выделению из России ряда ее окраин и к распадению самой России на ряд отдельных государств. С 1919 года начинается вытеснение центробежных сил центростремительно-унификационными. Где

суверенная Грузия, Азербайджан, Кубань, Дон, Крым, Дальневосточная республика, Владивостокское государство, не говоря уже о множестве других, - белых и полубелых, красных и полукрасных - политических тел? Их нет больше. Они снова влиты в единый организм, называвшийся недавно РСФСР, а теперь имеющий вывеску СССР.

Плохо это или хорошо — это вопрос другой, но самый факт «унификации» бесспорен. В 1917-1918 гг. большевики провозгласили полную свободу самоопределения, в итоге которой образовалось множество республик и автономных областей в пределах РСФСР. Правительства этих республик и областей вначале действительно пользовались значительным объемом автономии и начали всерьез осуществлять ее на деле. Но чем далее, тем более и более объемы этой автономии сокращались, унификация и централизация росли, республики превращались в автономные области, последние — в простые губернии, и к 1921-1922 гг. от всех автономий и вольностей не осталось ничего. Всем и вся управляла Москва, вернее, пять человек политбюро РКП. К осени 1922 г. этот процесс выявился и юридически: на месте различных РСФСР, УССР, Дальневосточной республики, Кавказской СС Республики и т. д. появилась единая СССР.

Мало и этого. Эти же годы показали, что в населении каждой из областей, пытавшихся отделиться, оказывались наряду со слоями, стремившимися к полной самостоятельности, слои — и справа, и слева — определенно тяготеющие к единству России. Централизаторы-коммунисты и централизаторы-белые находили среди такого населения (и Украины, и Грузии, и т. д.) своих адептов и прямых сторонников, определенно не желавших «самостоятельности» и помогавших активно объединению, под красным или белым стягом. Это значит, каждая из таких «Ирландии» в своей среде имеет «Ольстеры». И, судя по тому, что чистые децентрализаторы оставались у власти всюду очень недолго и падали под давлением белых или красных объединителей, приходится думать, что в среде самих народов, проявивших тенденцию сепаратизма, из этих активных сил - центростремительной и центробежных - первая вовсе не так слаба относительно.

Кроме этих несомненных фактов, есть и ряд других - более спорных - симптомов, дополнительно подкрепляющих возможность осуществления данного пути в решении национальной проблемы. Едва ли будет большой ошибкой допущение, что, за исключением Финляндии и части Польши, — тенденция выхода из России (а не из-под деспотизма старого режима или теперь тирании коммунистов) не была сколько-нибудь сильна в широких слоях народных масс разных национальностей... Такие тенденции существовали лишь в верхах интеллигенции и то в сравнительно узких. С началом революции, вызвавшим не только в этой, но и во всех других областях рост центробежных сил, эта тенденция сепаратизма усилилась. Немало этому содействовали и большевики. Но... с 1920-1921 гг., по-видимому, кривая этого настроения стала падать. По крайней мере, в пределах России за эти годы не пришлось констатировать ни одного сколько-нибудь заметного движения, восстания, заговора с целью «национального самоопределения», с определенными «националистическими» лозунгами и т. п. Были восстания и движения, как среди великороссов, так и не великороссов, но с целью низвержения большевиков или белых, а не с лозунгами «национального суверенитета». Ряд наблюдений далее говорит о том, что среди самих «сепаратистов» в России за последние годы упал «шовинистический» дух; не так рьяно стали преследоваться русские книги, газеты, ученые и т. д.

В этом падении кривой сепаратизма сыграли роль многие причины. Во-первых, общая смена подъема революции ее падением. Подъем революции всегда вызывает разлив центробежных сил и ведет к разрыву социальных связей; закат революции всегда сопровождается усилением центростремительных тенденций и восстановлением разорванных революцией социальных скреп. Во-вторых, неудача национальных движений лишний раз показала народам России, что судьба их общая; как раньше все они страдали от недостатков старого режима, так и теперь все они страдают от «общей разрухи». Попытки выскочить из последней путем отделения кончились неудачей и показали, что это невозможно, что они часть единого организма, которая от последнего отделиться не может, которая страдает и будет болеть до тех пор, пока болен весь организм. В-третьих, сыграли свою роль и ошибки «национальных правительств»: массы, вопреки ожиданию, не получили от них обещанных благ.

К этим явлениям следует присоединить и факт изменения национального настроения населения центра России — «Московии» или «Великороссию». Едва ли будет ошибкой утверждение, что из всех народов России национальное самосознание и национальный шовинизм у великороссов был наименее всего развит. За годы революции целый ряд фактов способствовал пробуждению этого национального настроения: усиленное насаждение «интернационализма», ежедневно оскорблявшее национальные чувства великороссов; эгоистически-хищническое и презрительное отношение к нам со стороны иностранцев — «союзных» и не союзных; многочисленные обвинения великороссов сепаратистами в том, что именно они, «москвиты», были угнетателями других народов России; высокомерное третирование их со стороны народов, еще вчера составлявших часть России; наконец, узкий шовинизм, проявленный этими народами.

Было бы чудом, если бы под влиянием таких факторов не проснулось национальное чувство основного пласта населения России.

Новое состояние национального сознания великороссов дает серьезную почву для всяких «объединительно-неделимых» попыток сверху. Такая политика верхов может найти теперь активное сочувствие широких низов центральной России.

Все эти факты настоящего говорят о том, что «единая и неделимая» политика имеет почву в процессах текущих годов. Помимо их, она имеет и глубокие исторические корни. Об этих корнях говорит сам факт исторического собирания и объединения России. Раз были силы, действовавшие в таком направлении, очевидно, они в три-четыре года не исчезли. Они, как и многое другое, могли быть временно парализованы; но подобно тому, как с исчезновением мути революции, перед нами воскресают многие исторические черты старой России, временами чуть-чуть видоизмененные, а временами — и стереотипные, так и тут, с отпадением этой парализующей причины, старые «собирающие» силы должны снова выступить на сцену и выявить старые тенденции. Значение таких сил и такой «инерции истории» нельзя недооценивать.

О значении исторических корней говорят примеры других великих революций.

И английская революция XVII в., и французская 1789 г. (в первых своих стадиях) дают картину того же разлива центробежных сил, приведших в Англии к отделению от нее Ирландии и Шотландии, во Франции — к «федералистическому» движению и образованию ряда самостоятельных «государств» и областей. Конец же революции и тут, и там привел к полному — частью добровольному, частью насильственному — подавлению всех сепаратизмов. И Англия, и Франция из революции вышли гораздо более объединенными, по сравнению с их дореволюционным состоянием. Где гарантия,

что то же не может случиться и у нас? Не служит ли первым проявлением этого процесса указанный выше факт роста «центростремительных сил» с 1920-1921 гг.? По своему национальному (языковому) составу Россия, особенно теперь, после выделения Финляндии, польских частей, Литвы, Латвии и Эстонии - довольно однородна. Огромное, подавляющее большинство ее населения говорит на великорусском языке. По статистике 1913 г. племенной состав населения России был таким: русские (великороссы, украинцы и белорусы) - 65,5 %, турко-татары - 10,6, поляки - 6,2, финны - 4,5, евреи - 3,9, литовцы — 2,4, германцы - 1,6, картвельцы - 1,1, горцы - 0,9, армяне - 0,9, монголы - 0,4, прочие - 2,0. В Европейской России русские составляли 80,0 %. Теперь «русских» не меньше 75 % по всей России. Из них на долю великороссов приходится не менее 50 %. Такой процент велико-россов, при численной незначительности остальных народов (кроме украинского), делает состав России национально более однородным, чем состав большинства крупных и даже мелких государств.

Факт высокой национальной однородности имеет тем большее значение, что эти великорусские элементы вкраплены — и подчас значительно — во всех областях России. Они будут тянуть к единой России и явятся опорой объединительной политики даже в областях не великорусских. С другой стороны, огромное большинство национальностей или «языковых групп» России столь малочисленно и даже отстало культурно, что вряд ли можно серьезно говорить об их суверенном бытии, и вряд ли они могут и даже желают оказать сопротивление «великодержавной» политике.

Самая сильная не великорусская народность, украинцы, имеют слишком много культурных и бытовых сходств с Великороссией, достаточно долго жили вместе без каких бы то ни было серьезных осложнений (кроме разве эпохи Петра), чтобы быть «Ирландией» России. Как в применении к ним, так и вообще в применении к взаимоотношениям народностей России следует отметить, что сколько-нибудь серьезных трений между ними за последние века не было. Россия, кроме разве Финляндии и Польши, не имела в своем составе «Ирландии». Сепаратистские тенденции, если и были, то не шли за пределы небольшого круга интеллигентов. Сомнительно, чтобы в народных массах они окрепли. Но, даже допустив последнее, следует иметь в виду, что любая народность, захотевшая играть роль русской «Ирландии», будет иметь с тылу и с боков свои «Ольстеры»; да и в своем составе будет иметь такие элементы, благодаря которым ее ждет судьба современной Ирландии с «гомрулем» (с полным самоуправлением), и... с непрерывной гражданской войной. Для Украины, сверх сказанного, огромное, можно сказать — решающее, значение имеет факт образования самостоятельной Польши. Это новое обстоятельство ставит Украину, как и в ХУ1-ХУП вв., «между двух огней». Польша толкнула Украину к Москве в ХVII в. Едва ли будет ошибкой сказать, что она же, помимо других факторов, будет толкать ее к России и теперь. Вдумчивому человеку это понять нетрудно. Происходящие на наших глазах события в Галиции - первые симптомы указанной роли Польши.

Наконец, следует иметь в виду и «экономические условия», начиная с «экономической географии» и кончая прямыми экономическими интересами. Они были в прошлом одним из главных факторов объединения. Они же явятся им и теперь. Выделение какой-либо области из территории России, особенно по строго национальному признаку, поведет к тому, что эта область будет экономически «задыхаться», а для экономической жизни и развития остальной России самостоятельность первой, с самостоятельной таможенной

границей, будет огромным тормозом. «Экономика» будет вопиять против таких политических слагбаумов. Не считаться с ней будет трудно.

Все эти обстоятельства и многие другие, часть которых указана будет ниже, делают такую политику далеко не утопической.

Так представляется дело с точки зрения возможности.

В нашем несовершенном мире такую политику нельзя признать абсолютно отрицательной и с точки зрения желательности.

Она имела и может иметь ряд заслуг. Объединив в одно государство население .У части земного шара, она была фактором замирения, уничтожения и уменьшения военной борьбы национальных групп в пределах этого государства. И вдобавок делала это дело довольно успешно, ибо крупной и острой внутригосударственной борьбы между ее национальностями не было. Это факт немаловажный. Мы так привыкли ругать свою страну, что часто не видим ряда ее преимуществ, по сравнению с «передовыми державами». Напр[имер], сколько обвинений сыпалось на Россию, как на «тюрьму на-родов», на жестокости ее обвинительной политики и т. д., объективно же для всякого, кто знаком с колониационной политикой Испании, Франции, Англии и др[угих] европейских 'держав, ясно, что политика России в этой области была несравненно гуманнее, мягче и бескровнее, чем политика этих культурных держав. Присоединив к себе ряд отсталых народов, она была фактором культурным и просветительным. Скажут на это: «А сколько бы-ло при этом жестокости эксплуатации?» — Да, были эти явления, но в не-сравненно меньшем размере, чем, напр[имер], в аналогичной политике Англии или любого из культурных государств. Раз так обстоит дело с этими передовыми странами, то не с идеально-утопической, а с реально-возможной точки зрения такое возражение необоснованно.

Быстрое развитие (экономическое и духовное) всей России, а не только Великороссии, особенно за последнее десятилетие перед войной, свидетельствует, что такая политика была совместима с прогрессом.

Больше того. Такое объединение при всех своих недостатках в основном давало каждой из национальностей России возможность защищать свои интересы бесконечно успешнее, чем при условии суверенности каждой из этих групп. Международный вес последних, отдельно взятых, был бы, за небольшими исключениями, ничтожен. Бороться успешно они не могли бы. Участь колоний, несравненно сильнее эксплуатируемых «культурными» и «передовыми» державами Запада, была бы неизбежной. Совсем иным был вес России. Она была силой и как сила защищала не интересы Великороссии (странно даже писать эти слова), а интересы России, т.е. всей совокупности составлявших ее национальностей и областей. Тем большее значение эта роль приобрела теперь при ослаблении всех народов России.

Нужно ли говорить, что громадный масштаб России позволял ей ста-вить и осуществлять в чисто культурном отношении такие задания, которые были бы не под силу каждой отдельной части.

Было немало и других положительных сторон этой политики. Тем большее значение приобретают они теперь в условиях, грозящих превратить все народы России в простых статистов истории, в объект эксплуатации для других внероссийских — национальных и интернациональных — групп...

Но при наличии всех этих достоинств все же нельзя признать такое решение нелокальной проблемы России лучшим из возможных. Оно имеет серьезные недостатки

и главное, - недостатки, не вызываемые необходимостью, могущие быть устраненными, а потому не оправдываемые исторически.

Первый из этих недостатков — чрезвычайная вредность централизации по существу. Никакое правительство не может управлять всеми делами разноплеменного населения 1/6 части земного шара. Такая претензия и такая попытка неизбежно влекут за собой ряд неотвратимых ошибок и неудачных решений. Знать все нужды и потребности каждой области или народа, иметь силы и время для регулировки множества местных дел и в то же время удачно вести общую политику всего государства — это не под силу какому бы то ни было правительству. Итогом ее будет плохое ведение общегосударственной политики и множество ошибок при решении областных и местных дел. Вот почему в России децентрализация необходима по существу.

Далее — централизаторская политика своими претензиями и ошибками, своим автократизмом и деспотизмом сама создавала и создает почву для недовольства и «сепаратизмов». Она неизбежно сама закладывает те бомбы, которые потом начинают разрываться и производят сотрясение всего здания. Во времена прочности и силы этого здания это не так опасно. Иначе обстоит дело теперь. Жизнь народов России настолько разрушена, что всякому правительству и каждому народу дел по воссозданию предстоит больше, чем имеется сил. В таких условиях тратить и без того недостающие силы на бесплодное «усмирение» и «успокоение» сепаратизмов, вызываемых той же централизацией, — неэкономно и преступно.

В современных же условиях положение дел таково, что при проведении такой централизаторской политики все эти сепаратизмы возникнут и возникнут в довольно серьезном масштабе. Если даже они не взорвут всего здания, то потребуют войн — во всяком случае огромной траты сил и средств для их подавления. Кому и какая от этого польза?

Можно допустить, что обострение национальных, как и других сепаратизмов за годы революции и властвования большевиков — явление спорадическое. С падением кривой революции и ликвидацией большевизма эта острота смягчится. Но... не настолько, чтобы целиком исчезнуть. Дух времени таков, что современные национальности хотят жить у себя «дома» и не хотят быть какими-то изгоями в чужом, пусть даже хорошо устроенном, доме. Один факт неравноправия, простое ощущение, что они какой-то группой третируются, как нечто второсортное, нуждающееся в опеке, — один этот факт порождает протест, а вслед за ним и тенденции сепаратизмов. Централизаторская политика неизбежно ведет к такому ощущению, через него к сепаратизмам, а через все это — к бесполезной трате сил, с одной стороны, с другой — к непрочности всего здания...

Этих недостатков достаточно, чтобы не признать данного пути решения национальной проблемы удачным.

3. Путь ликвидации России и образования национальных суверенных государств.

Расценивая практически возможность этого пути, сразу же приходится понимать его в ограничительном смысле. Если путь образования национальных государств из территориально-языковых групп возможен, то не для всех таких групп, живших и живущих на территории России. Говорить о возможности самостоятельного государства черемисов, мордвы, якут, бурят и т. д. — вряд ли приходится. Такие территориально-языковые группы (национальности) пока что обречены на роль

элемента в каком-либо государстве, а не на роль самостоятельного государства.

Проблема последнего ставится лишь в применении к обширным по численности членов, или по высоте культуры, или, наконец, по окраинному положению, национальностям России.

Насколько серьезны шансы такого хода истории?

По-видимому, ряд шансов есть. Первый из них - международная политика некоторых великих и малых держав, направленная на ослабление и расчленение России, требуемое интересами этих держав... Игнорировать ее значение не приходится. Роль не решающего, но вспомогательного фактора на этом пути она играла, играет и будет играть. Но, с другой стороны, этот фактор сильно ослабляется международной же политикой ряда других государств, для которых сильная Россия была нужна раньше, а теперь нужна еще более, чем прежде.

Второй шанс - несомненное наличие таких «самостийных» тенденций, с одной стороны, попытки образования независимых государств - с другой, и выделение некоторых областей России в самостоятельные государства - с третьей. Значение этого шанса зависит, во-первых, от объема и интенсивности таких тенденций, во-вторых, от того, являются ли они органически-перманентными или только временными, вызванными революционной смутой и большевистской политикой. Дружная совместная жизнь в течение ряда веков, почти полное отсутствие — в сколько-нибудь серьезном масштабе — таких тенденций (кроме Финляндии и польской части) до революции (верхушки интеллигенции в счет не идут), неуспех даже во время большевиков ряда таких попыток, ликвидация за последние годы некоторых самостоятельных республик, удавшаяся сравнительно легко, сужение объема автономий и вольностей советских республик, чисто фиктивное существование суверенности некоторых из них, плюс - даваемое прямым наблюдением — отсутствие сколько-нибудь серьезных тенденций такого рода в народных массах, значительно отличающихся в этом отношении от политиков, — все это говорит, по-видимому, о том, что эти тенденции полного отделения от России (но не от большевиков) не являются очень сильными и органически-перманентными. Они во всяком случае не так сильны, чтобы перевесить те минусы для населения, которые неизбежно возникнут при такой самостоятельности, рассчитанной не на время царствования большевиков, а на длительный исторический период.

Но если даже и предположить эти тенденции очень серьезными — имеются еще более серьезные препятствия к такому решению вопроса.

Прежде всего — экономически-географические. Тот, кто знаком с этой стороной дела, знает, что такой разрыв единого тела России означает разрыв не только политического организма, но и экономически неразрываемого района, против которого будет вопиять вся экономика, как оставшейся России, так и выделившихся из нее государств. На ряд лет большевистского деспотизма, совершенно дезорганизовавшего экономическую жизнь страны, такой разрыв возможен. Но не на длительный период исторического бытия. Не нужно быть марксистом, чтобы считать это обстоятельство достаточно важным. Не доказывая здесь этого положения, мы позволим утверждать, что в силу этого фактора, в случае политического разъединения, один разорванный район будет вновь тянуть к другому и рано или поздно снесет политические рогатки.

Второе препятствие - существование оставшейся России без морей и без ряда областей, без которых она будет задыхаться и может существовать лишь с очень большим трудом (то же применимо и к выделившимся госу-дарствам). Пока такая Россия - пусть даже в

объеме Московии - существует, пока она не исчезла и не дезорганизована окончательно, она не может допустить такого положения дел; Плохо это или хорошо — вопрос другой, но факт остается фактом, и его приходится констатировать. Не сверху, так снизу, не мирно, так насильственно, при каком угодно правительстве, такой прорыв к морю, связывающий в одно целое экономически тяготеющие друг к другу районы, будет производиться. История ХУ1-Х1Х веков тогда может повториться снова. Этого не будет лишь при полном задушении и анархизировании всей оставшейся России. Об этом, как будто, говорить рано, во-первых; во-вторых, — это задушение, анархизирование неминуемо повлечет то же самое и для всех выделившихся государств. Утопающая Россия потянет на дно и последние.

Третье препятствие — тот натиск и эксплуатация выделившихся на-родов со стороны иноземных государств, который ждет их неминуемо. Натиск этот, как показывают даже наши годы, будет огромным. Использование будет серьезным. Опасность колонизации — весьма реальной. Население быстро почувствует это. Такой факт будет стихийно толкать его к «воссоединению». Последнее осуществится тем легче, что в главнейших случаях слишком много общего имеется в населении разорванных частей, и слишком мало было острых трений между ними. Помимо и вопреки желанию политических верхов — эта тяга будет и сдует, как и в прошлом истории, все тонкие и остроумные проекты и махинации последних.

Четвертое препятствие. Каждое из таких государств будет окружено или будет иметь сбоку, или с тылу остатки и части той же России. С другой стороны, в его пределах имеются и будут иметься всегда элементы, тянущие к России. Есть и будут такие элементы в городах и деревнях, среди богачей и бедняков. Эти элементы в основных случаях весьма значительны. При наличии других «препятствий» этот факт может сыграть значительную роль.

Молодым государственным организмам, и без того находящимся в трудном положении, они грозят «внутренней отравой», для них они будут теми же бомбами и куда более опасными, — какими являлись эти национальности в пределах России.

И — в итоге всех этих условий создадутся такие трудности для самостоятельного бытия, наступит такая жизнь и такие осложнения, потребуются такая бесплодная трата сил, что вновь образованным политическим телам это будет не под силу. В таком положении дел массы помимо и вопреки желанию политиков могут повторить клич XVII в, и вновь «потянуть» к Москве. В силу этих и указанных выше обстоятельств я считаю этот путь решения национальной проблемы России, в качестве решения на длительный период времени—мало вероятным, даже менее вероятным, чем первый путь. Только при допущении безвозвратной гибели России, ее заката - этот путь имеет шансы. Но ведь гибель России и гибель Великороссии (то и другое вещи весьма различные) будет и их гибелью. Ибо в итоге ее их ждет не судьба действительно суверенного бытия, а судьба колоний, в лучшем случае имеющих вывеску «самостоятельного государства». Мало ли таких самостоятельных государств в Индии? Самостоятелен теперь и Египет. Гомруль получила и Ирландия. Есть еще много других самостоятельных государств. Только едва ли кто, кроме наивных людей, всерьез принимает эту самостоятельность, и едва ли в ее итоге население чувствует себя счастливее.

Так представляется дело с точки зрения возможности.

Как обстоит оно с точки зрения желательности? Плюсы или минусы оно сулит населению оставшейся России и этих выделившихся государств?

Некоторые плюсы несомненны.

Во-первых, плюсы в области национальной культуры каждого из таких государств. Политическая самостоятельность будет сильнее стимулировать создание и культивирование национальных ценностей в области языка, литературы, науки и т. д. Она даст удовлетворение национальному самолюбию. Она, вероятно, будет способствовать поднятию умственного уровня масс. Все это — плюсы с точки зрения интересов этих государств. Они не минусы и с точки зрения остальной России. То же приходится сказать и о степени благоустроенности всей социальной жизни. Если бы политическая самостоятельность не вела за собой ряда отрицательных последствий, способных аннулировать эти плюсы, то едва ли можно было бы сомневаться в том, что она повлекла бы за собой более внимательное и целесообразное решение всех местных проблем, большее сосредоточение сил и усилий на них, лучшее знание конкретных условий, а в силу всего этого — более удачную организацию всей социальной жизни. Это — плюсы с точки зрения интересов этих государств; они плюсы и с точки зрения остальной России.

Если бы налицо были только подобные плюсы и если бы они реально могли быть осуществлены, то, не колеблясь, можно было бы признать рас-падение России и всех великих держав на мелкие государства явлением желательным и безусловно положительным. Примеры Швейцарии, Чехии, Дании, Голландии, Швеции, Норвегии и Бельгии были бы лишним доводом.

Но, увы, не всегда так бывает и не везде это возможно. В частности в России обстановка такова; ее балканизация грозит свести на нет все эти плюсы, но сверх их обещает дать еще очень большие минусы. При распадении России все выделившиеся части, а вместе с ними и оставшуюся Россию, ждет не судьба Швейцарии и Чехии, а балканизация или ирландизация их.

Первым и очень быстрым следствием такого распада будет война и война длительная, упорная. Своего рода «ирландская перманентная борьба», конец которой придет лишь или с подавлением одним из борцов других или с обессилением всех борющихся сторон. Выше уже была указана одна из причин этой войны. Раздробление единого, неразрывного экономического района, закрытие для центральной России морей (предоставление коридоров абсолютно не решает вопроса для таких махин), самый факт разрывания России на части, и т. д. — все это вполне достаточная причина для начала войны со стороны последней — все равно, какое бы правительство, — пусть даже архипацифистское — ни стояло бы во главе России. Не будет недостатка в таких серьезных основаниях для начала войны и со стороны вновь образованных государств, особенно мелких. Почему? Потому что мелкие народы — и в прошлом, и особенно теперь — показали и показывают себя бесконечно более шовинистическими, империалистическими, нетерпимыми и немирными, чем большие народы и государства. Все вы-делившиеся из России народы, часто обвинявшие царское правительство в шовинизме и империализме, оказались несравненно более шовинистичны-ми, чем первые. Их поведение было таково, что теперь даже царское правительство в ответ на упрёки спокойно могло бы сказать: «врачу, исцелися сам». При таких условиях думать, что будет мир между частями России, это значит заниматься оптимистическим утопизмом.

Если война и не будет перманентной, то боевое положение, непроизводительный расход на громадную армию при колоссальном обнищании, непрерывная таможенная

экономическая и дипломатическая война, международные махинации в пользу того или иного «третьего веселящегося» и т. д. — все это будет неизбежным. Спрашивается, кто из народов России от этого выиграет? Кому принесут пользу такие схватки и громадная тяжесть милитаризма? Кто, кроме сумасшедших просто или «сумасшедших ' идеалистов» (есть и такая порода людей), воодушевленных наилучшими желаниями крыловского медведя, но подобно ему объективно угощающих камнем в лоб до смерти, может ждать отсюда полезных результатов, даже для своего народа?26* Больше того, и с точки зрения интересов своего народа, и других народов России, и всего человечества, такие «идеалисты» не ведают, что творят. Они, подобно большевикам, не учитывая реальных результатов своего «идеализма», объективно являются зачинщиками и подстрекателями войны, виновниками убийств и страданий не только других народов, но и своего собственного... Такая порода идеалистов, к сожалению, еще не перевелась. Пожелаем им серьезно, очень серьезно, продумать их «идеалистический сепаратизм» и те результаты, к которым он может привести. Это нужно сделать, ибо всякий политик отвечает не только за свои субъективные цели, но и за те объективные результаты, к которым они приводят.

Могут ли в таких условиях реализоваться культурные плюсы политической самостоятельности, указанные выше? — Конечно, нет. Война и борьба, острая и мягкая, открытая и тайная, будут поглощать львиную долю всех на-родных средств, сил и способностей. Университеты — будучи «духовными» по плоти, увы, для своего бытия требуют материальных средств. То же — и любое учреждение и вся организация страны. Вот почему, при таких условиях более чем сомнительными становятся все те плюсы, которые я указал выше. Мало того... Вторым неизбежным результатом такой политики будет превращение если не всех, то большинства выделившихся государств в простую «сферу влияния» какой-либо иной великой державы, со всеми неизбежными последствиями этого «мягкого» термина. Эти последствия, как известно, не таковы, чтобы благоприятствовали экономическому и духов-ному расцвету страны, вошедшей в «сферу влияния». При той громадной ослабленности всех народов России, которую мы видим сейчас, такой результат будет неизбежным. Достаточно сильные вместе, порознь взятые они будут бессильны перед империалистами Запада. Отдельные политики от такого положения дел могут выиграть, но страна, но народ, но его куль-тура проиграют. Скажут на это: «А не все ли нам равно, кто нас эксплуатирует — свой или чужой? Пусть уж лучше англичане или немцы нас сосут, чем Московия или Великороссия», Во-первых, с объективной точки зрения обвинения «Московии» — детский или просто недобросовестный вздор. Где? Как? В какой форме эта эксплуатация происходила? Да, многим народам чинило много несправедливостей правительство России. Но правительство России не есть правительство Великороссии, кроме того, среди этих эксплуатируемых народов на первом месте было население Великороссии. Да, дворянство эксплуатировало и грабило Украину, Кавказ и т. д. Но оно не меньше, а больше грабило Великороссию. Да и по составу в этом дворянстве и правящих группах великороссов было едва ли не меньше, чем немецких баронов, кавказских князей, украинских казаков и т. д. Излишне приводить дальнейшее опровержение подобного вздора, но напомнить, что иностранная колонизация есть нечто серьезное, что она действительно сопряжена с жестокой эксплуатацией, следует.

Нужно ли указывать другие минусы? Нам не раз приходилось слышать мнение, что не только политика власти, но и сама русская культура (великорусская, как ее называли

говорившие) тормозит и душит развитие национальной культуры не-великороссов. Этот упрек казался и кажется нам столь же обоснованным, как обвинение Шекспира и Байрона в задушении талантов Пушкина и Лермонтова, находившихся под их влиянием. У кого есть талант — это относится и к индивидам, и к целым народам — тот от восприятия иной культуры не гаснет, а зажигается. У кого его нет — тот в обоих случаях не даст ничего. Боюсь, что полная изоляция от «русской культуры» едва ли бы была возможна фактически и едва ли дала бы ценные результаты для большинства выделившихся государств. Да и смешно было бы ее чураться. Во-первых, она кое-чего стоит. Во-вторых, едва ли есть великоросс, который мыслил бы под именем России - Великороссию, под русской культурой - великорусскую, в создании которой никто кроме великороссов не принимал участия. Русская культура - не великорусская, а сплав усилий и творчества многих разнообразных народов, принимавших в нем участие. Чураться ее - значит чураться части самого себя. Вот почему от такого чурания, - а при шовинизме вновь образованных государств оно бывает неизбежным — пострадает не великорусская, а их собственная, русская культура. Последняя стоит того, чтобы ее хранили и культивировали. Ущерб, наносимый ей при таком чурании, нельзя не считать большим минусом. Можно было бы указать еще ряд других крупных минусов, но полагаю, что достаточно этих соображений, чтобы этот путь признать не лучшим из возможных. Эта оценка имеет тем большее значение, что есть путь, при котором все плюсы этого течения могут быть сохранены без его минусов. Это третье решение позволяет сохранить и реализовать плюсы обоих рассмотренных решений без минусов того и другого. Обратимся к нему.

4. Путь превращения Российской империи в федеративное государство

Из вышеизложенного ясны те недостатки и те фактические препятствия, которые связаны с осуществлением Двух предыдущих путей. Множеством условий диктуется сохранение политического единства России. Оно нужно не только и, быть может, не столько в интересах «Московии», сколько в интересах других народов России и их общего достояния, не говоря уже о более широких интересах всей социальной жизни человечества. Со всех этих точек зрения распадение России и нежелательно, и едва ли возможно. Но централизация этой обвинительной политики, ее автократизм, ее стремление вмешиваться в жизнь частей России, ее неодинаковая расценка отдельных народов России, — все это. и нежелательно, и едва ли осуществимо. Это не значит, что в ближайший переходный период не будет подобных явлений (или обратных им явлений острых сепаратизмов), что все совершится гладко, без эксцессов и кровопролитий. Нет. Только утопист может быть таким оптимистом. Эксцессы переходного периода будут. Весь вопрос лишь в их объеме и длительности. Но рано или поздно они закончатся. Тогда с момента вхождения истории России в органически нормальный период, ее дорога лежит на этом третьем пути, диктуемом и целесообразностью, и комбинацией фактических условий.

За ним плюсы обоих первых путей без их минусов. Путь федерации дает все преимущества объединенной, великой России, без минусов централизованно-деспотического объединения. Он же дает и все плюсы второго пути: децентрализацию, вершение всех своих дел народом и правительствами отдельных штатов, кроме дел общифедеративных, входящих в компетенцию центральной

федеративной власти, свободу для социального и культурно-национального или областного развития, уничтожение обидного и ведущего к «сепаратизмам» чувства неравноправия и неравноценности. Рядом с этим оно освобождает центральную власть от множества дел и дает ей возможность полнее сосредоточиться на делах общегосударственных. Словом, все стороны плюсы этого решения ясны — но, слышатся опасливые голоса со стороны ревнителей «единой и неделимой», не поведет ли федеративность к слабости центральной власти, а тем самым и к слабости России? Для такого огромного государства, как Россия, нужна сильная центральная власть. Иначе — все расползется. Может ли ею быть власть федеративного государства? — Полагаю, да. Примеры центральной власти С[еверо-] А[мериканских] Соединенных Штатов, Германской империи, бывшей империей федеративной, говорят ясно, что федерация совершенно не связана со слабостью центральной власти, как думают многие. Любая верховная власть любого нефедеративного государства может позавидовать действительности и активности этих федеративных центральных властей.

Но, раздаются голоса с противоположной стороны, не будет ли такая федерация простой вывеской, под которой будет жить и действовать та же старая централизующая власть, угнетающая ряд народов и проводящая политику той же «единой и неделимой»? Пример «федерации» большевиков не лишнее ли доказательство обоснованности таких опасений? Поэтому, не благоразумнее ли с самого начала отказаться от этого пути, угрожающего такой опасностью, и встать определенно на путь отторжения и «самостоятельности»? Одни юридические нормы, если под ними и за ними не стоит соответственного реального соотношения сил, конечно, не гарантия. Но... для защиты своей равноценности и равноправия российской федерации любому народу сил нужно меньше, чем для защиты их на пути «самостоятельности». Если у него нет сил для того, чтобы быть равным среди равных в федерации, то это значит, что тем более невозможна для него суверенность. Встать на этот путь при таких условиях значит встать на путь если не национального самоубийства, то во всяком случае на путь потери тех прав, которыми в федерации при добром согласии можно было бы обладать — и юридически, и фактически. Такой путь сулит некоторый успех лишь при наличии твердой уверенности в военном и всяком другом превосходстве своих сил над силами остальной России. Ибо, как указано выше, стать на этот путь значит стать на путь жесточайшей войны, войны неминуемой и неотвратимой. В случае полной победы и сокрушения остальной России — он даст суверенность, хотя бы и за счет разрушения остальных народов. Но только в этом случае. Да и здесь прочность этой суверенности едва ли будет долговечной. В случае же поражения — он обещает деспотию над такой народностью, ибо на войне, как на войне, — и взявший меч не должен и не может рассчитывать на... гуманность и справедливость врага. Заметим, кстати, что плохую услугу и своему народу, и России оказывают те ревнители «национальной суверенности», которые занимаются недобросовестным, неверным и чрезвычайно вредным «улюлюканием» по адресу «Московии» и отождествляемой с нею России. Было бы чудом, если бы со стороны своих противников они не вызвали обратного «улюлюкания» уже не только по их адресу, но и по адресу всего защищаемого ими народа. Поистине временами «сумасбродный идеалист опаснее врага». Не столько цари и президенты, сколько такие «ревнители» являются часто подлинными сеятелями шовинизма, милитаризма и... деспотизма. Я думаю, что едва ли какая-нибудь национальность России может иметь такую уверенность в победе, а потому... этот путь можно рекомендовать лишь... недругу.

Сторонники макиавеллизма могли бы даже сознательно пойти на этот путь, с целью дать наглядный урок такой сепаратистской группе. Выделив ее в самостоятельное государство, окружив таможенной границей, создав ряд экономических и других препятствий, введя в нее значительные национальные меньшинства, возбудив антагонизм разных элементов такой «суверенной народности», подстрекая и поддерживая в ней гражданскую войну, словом - поступая по методу английской политики в отношении Ирландии, они могли бы превратить жизнь такого государства - в ад, где население стало бы задыхаться, где силы его были бы быстро истощены во взаимной борьбе, где от «суверенности» очень скоро бы взвыли. Таким путем можно было бы без всякой войны отбить основательно всякий аппетит к сепаратизмам.

Мы - не сторонники макиавеллизма, потому считаем своим долгом заранее указать «близоруки» на те опасности, к которым они ведут своей политикой, создающей почву для расцвета таких политических приемов.

Caveant consules.

Повторяем, если реальное соотношение сил таково, что оно недостаточно для поддержания своих претензий в федерации, то оно подавно будет недостаточно для осуществления своей «суверенности». Как видно отсюда, мы далеки от утопизма. Этот реализм и учет конкретных условий заставляет нас думать определенно и о целом ряде фактических черт этой федераций.

Не ставя задачей этой статьи конкретизацию этого федеративного устройства России, укажем лишь на две черты. Первая. В основных законах может стоять и вероятно будет стоять признание равноправности и равно-ценности различных национальностей России. Фактически — этого равноправия, особенно в первое время, конечно, не будет. Роль, например, великорусских и украинских штатов в направлении общей политики государства, с одной стороны, и роль зырян или остяков, - с другой, будет, очевидно, неодинаковой, ибо... различен реальный удельный вес каждой из этих национальностей. Этого различия не уничтожишь одной юридической нормой равенства. Та же конкретная обстановка заставляет думать, что и компетенция центральной власти России в первое время будет широкой и сильно пропитанной элементами автократизма. Сильным привкусом деспотизма будет пропитана и деятельность национальных правительств отдельных штатов. Почему? Потому что способность самоуправления не падает с неба, не рождается сразу, а требует длительного исторического воспитания. У нас этого воспитания было мало, очень мало, а потому, если центральная власть и власти штатов будут слабы, будет как в 1917 г. разлив центробежных сил и анархия. Вот почему, раз мы говорим об органическом периоде, т. е. допускаем отсутствие анархии, становится неизбежно и сильная центральная власть и привкус автократизма в ее действиях. То же относится и к правительствам штатов. Это грустно. И все же лучше, чем другие реальные, а не идеально-утопические возможности. Здесь, как и в любой политической проблеме, речь идет не о выборе наилучшего идеального исхода, а о выборе наименьшего зла из многих других зол.

При всех своих недостатках такая федерация все же представляет наименьшее из многих других зол, или наибольшее благо из возможных. Все же она сильно будет разниться от политики «единой и неделимой» старого режима, а тем паче - от «коммунистической федерации». Все же она избавляет население от бед, сопряженных с централизацией и неравноправием, и от еще больших катастроф, связанных с политикой разрыва России на отдельные государства. С ростом способности населения

На распустье трех дорог

Автор: Роман Евстифеев

18.10.2013 17:04 - Обновлено 18.10.2013 17:07

к самоуправлению естественно будет уменьшаться и элемент автократизма. Вот почему наш выбор останавливается на этом, а не на других из усмотренных путей. Спасение и процветание России, как общего достояния всех ее народов, — с одной стороны, интересы каждого из последних — с другой и интересы всего человечества диктуют этот, а не иной выход...